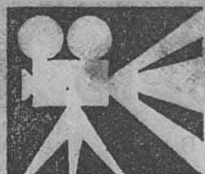


КИНО



«Верю в возможности экрана». Снова в жанре фантастики. Владимир Самойлов в роли тренера

— Как вы оцениваете положение писателя в современном кинематографе?

— Знаете, у меня впечатление, что что-то случилось. Вдруг читаю в газете: «Сценарий — большая литература». А ведь, как правило, устно и письменно режиссеры утверждают: сценарий — это полужабука. Он пишется только ради фильма, для фильма и существовать самостоятельно не может. В конечном счете — да. Так же, как пьеса в конечном счете должна увидеть сцену. Но никто же не говорит, что пьеса — это полужабука. И пьесы издаются отдельными сборниками. Не нашла пьес своего режиссера, театра, во все не исключено, что это произойдет спустя время. Начали наконец издавать сборники сценариев, теперь можно прочитать и сценарий, сравнить его с фильмом.

А тут еще вдруг целая кинопанорама посвящена кинодраматургии, писателю Борису Васильеву, чтобы, так сказать, в его лице... Определенно что-то случилось. Жаль, если это — мероприятие. Хорошо бы, если всерьез.

Лет восемь назад в журнале «Искусство кино» мне пришлось возражать Ежи Ставинскому. Я люблю отличные его повести, но в тот раз говорил режиссер Ежи Ставинский, и литературу — не сценарий, а даже литературу — рассматривал как сырье.

Я не вспоминал бы об этом сейчас, если бы в последнее время не приходилось слышать то и дело: «Фильм должен быть личностный...» Такое поразительное, что так говорят люди, ничего еще в кино не создавшие. Но для «личностного» кинематографа надо быть личностью. Вот такое необходимое условие: быть личностью и не только в своих собственных глазах.

— Как складывались ваши отношения с кинематографом на разных этапах вашей писательской деятельности?

— Каждый писатель, имевший хотя бы даже кратковременное отношение к кино, может вспомнить не одного редактора, который тем только участвовал в создании фильма, что опасался на всех этапах устно и письменно. И забота его была об одном лишь: как бы его в итоге за что-нибудь не поругали. Но я лучше вспомню хороших редакторов. Вспомню уже покойную ныне Нину Васильевну Беллеву. Это был человек, не только бесконечно преданный кинематографу, влюбленный в кинематограф, но кинематограф был — вся ее жизнь.

Дважды мне выпало удовольствие работать на «Ленфильме» с Фрикеттой Гургеновой Гукасян. Вот редактор! Умная, тонкая, прекрасно понимающая кинематограф, вообще — искусство.

Вы спрашиваете, какие экранизации моих книг запомнились мне и почему? Всего одна: Марлен Хуциев по моему рассказу «Почем фунт лиха», по сценарию, который мы с ним вместе написали, поставил телефильм «Был месяц май». Путь к этому был долг. Когда появилась в 1959 году моя повесть «Пядь земли», Хуциев пришел ко мне и предложил написать для него сценарий фильма о поколении, ушедшем на войну. У него был замысел, он рассказал несколько сцен, я помню их и сейчас. Но я работал над другой повестью, и мы разошлись. Вдруг фильмом по рассказу «Почем фунт лиха» заинтересовался Хуциев. Через одиннадцать лет после первой нашей встречи Хуциев поставил «Был месяц май». Я всегда с радостью

вспоминаю нашу совместную работу. Почему? Да потому что мы с самого начала хотели одного и того же, доверяли друг другу, взаимопонимание было абсолютным. Речи не могло идти о «сырье», о «личностном» кинематографе. А между тем это действительно личностный, авторский — как хотите называйте — фильм. Это фильм режиссера Марлена Хуциева, во всем виден его, хуциевский почерк, никто кроме не поставил бы так. И в то же время в фильме сказано все то, именно то, что я хотел сказать. И мы остались друзьями.

Да, кинематограф — режиссерское искусство, смешно было бы спорить с этим. И меня, например, никогда в кино не интересовало так называемое авторство. Но если ставят фильм по моей

низации? Что вы думаете о качестве экранизации в нынешнем кино современной прозы?

— Тут правила нет. Один приходит с оригинальным сценарием, другой — с книгой. Важно, чтобы было что сказать. Важно встретить единомышленника. Я, например, чаще всего сам предлагал режиссерам писать сценарий вместе. Мне так легче, а кроме того, уже на этой стадии надо понять: сойдемся мы или нам лучше разойтись в разные стороны.

Вообще интерпретация современной прозы в кино, в театре определяется, по моему, только этим: совпали, соизмеримы таланты или нет. Если бы меня спросили, можно ли инсценировать повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка», которую я очень

— Ваше мнение о сегодняшнем значении в обществе литературы и кино? Если говорить о взаимообогащении, то кто на кого влияет в большей степени, что идет в авангарде, а что отстает в борьбе за умы? Считаете ли вы, что современное кино достигло (или не достигло) уровня влияния на общественное сознание, какое всегда было свойственно русской, советской литературе?

— Интересный вопрос. Но давайте поставим его так: «литературы, кинематографа, вообще — искусства?». Можно перечислять бесконечно, что дает людям искусство, почему его роль возрастает и т. п. Но попробуем пойти от обратного. Представим себе все наоборот. Представим такую безумную картину: целое поколение людей лишено искусства, и вот так росло. Толстой, Гоголь, народные сказки, древние мифы, Шекспир, Чехов, Бальзак — ничего этого не было и нет. Современной литературы тем более нет. Кинематограф? Только трудовые процессы, рациональное решение производственных задач. Музыка? Ритм, трудовой ритм. Классика забыта, народные песни забыты. И вырастет поколение не творцов, а идеальных исполнителей, идеальных работников.

Конечно, произойти этого не может. Неминуемо запоет кто-то. Или застонет. Или завоет. Иначе жизнь остановится. Есть притча: разнесся слух, что вымерло некое племя. Я слышал несколько вариантов этой притчи. В одном из них — африканское племя. Пусть африканское. И вот отправили двух человек узнать достоверно: живы ли? Действительно вымерли? И что за страшная болезнь, что за бедствие постигло их? Идут эти двое, идут — никаких следов, никаких признаков жизни. Вдруг один остановился. Прислушался. Поют. «Они поют! Значит, они живы!»

Искусство необходимо обществу, как душа человеку.

Что касается соотносительности или конкуренции таких родов искусства, как литература и кинематограф — это уже частности. Была бы душа жива. Она и прорывается то в одном роде искусства, то в другом. В принципе я — за конкуренцию. Но я уснуть можно. Она все время идет не только между литературой и кинематографом, но и в самой литературе и даже в одной только поэзии или прозе. Это естественно, иначе и быть не может. Появление нового писателя или значительной книги — это шаг вперед всей литературы, это слово в жизни всего общества. В кинематографе бывали и периодически бываю яркие озарения. Ну как скажем, не назвать Василия Шукшина? Только можно ли его оторвать от литературы?

Наверное, потому что я преимущественно прозаик, я считаю, что все же наиболее глубоко отразила жизнь общества, жизнь нашего народа в разные периоды, в решающие и роковые моменты истории, наиболее сильно и серьезно, с определенным даже запасом для будущих толкований это сделала проза. Может быть, я ошибаюсь. Да и можно ли сравнивать, когда за спиной литературы века и тысячелетия? Такие гении за нашей спиной! И смотрят они на нас иной раз с укором. А кинематограф — все еще молодое искусство. Он многое сказал, многое сделал, но делает, я думаю, еще больше.

Беседу вел
В. ИВАНОВА.

Григорий БАКПАНОВ:

Писатель и фильм

Григорий Бакпанов — это имя, равно принадлежащее как литературе, так и кино. Его фильмы «Пядь земли», «Был месяц май», «Салют, Мария!», «Карлук» и многие другие широко известны и любимы зрителем. Причем многие фильмы — не просто экранизации его романов и повестей, они поставлены по оригинальным сценариям, специально написанным писателем для любимого им кинематографа. В настоящее время готовится и экранизация его последние произведения — «Навеки девятнадцатилетние» и «Меньший среди братьев» (в двух сериях, для телевидения).

Недавно наш корреспондент встретился с писателем.

книге, я хочу, чтобы мне потом не было стыдно. Либо берите другую книгу, другого автора и работайте с ним. А если вас моя книга заинтересовала, считайтесь с тем, что я хотел в ней сказать. Нет? За мной остается, назовем так, право вето. И я пользовался им не однажды. Без огорчения, скорее даже с легким сердцем расставался с режиссерами, которые видели в моей вещи лишь повод для вариаций. Варьируйте, пожалуйста! Но я тут при чем?

Поймите меня правильно: я знаю, что кино — это совсем другое искусство. Оно говорит своим языком. Я знаю это, я с этим согласен. Да кто не знает азбучной истины, что экранизация — это не дословное переложение. Речь о другом: во всех видах искусства крайнее — как бы это помечать — неспонтанно, если человек озабочен не столько искусством, сколько самим собой, тем, как он будет выглядеть? Достаточно ли он себя показал? Это ведь всегда видно. Книга, фильм — это дело жизни, а не тот отрезок пути, который — хочешь или не хочешь — а надо пройти до вручения приза.

А вообще отношения с режиссерами у меня складывались хорошо, буквально, за редким исключением. Мы уже двадцать с лишним лет дружны о Иосифом Ефимовичем Хейфицем. В свое время мы с ним вместе писали сценарий фильма «Салют, Мария!», который он поставил. У меня остались самые дружеские отношения с Владимиром Венгеровым. И даже неудачная экранизация моей повести «Пядь земли» не испортила мне отношений с Андреем Смирновым и Борисом Яшиним. Они оба — одаренные люди, они доказали это своими последующими фильмами, но фильм по моей повести был первой их работой после диплома.

— Как вы считаете, писатель должен приходить в кино с оригинальным сценарием, или отношения литературы и кино должны строиться только на основе экра-

нию, я бы засомневался. А вот режиссер Чернышевский прекрасно поставил ее на Малой сцене Театра им. Моссавета. В кино этой повести, как мне кажется, повезло меньше.

Один из моих любимых рассказов — это рассказ Виктора Астафьева «Ясным ли днем», к слову сказать, совершенно недооцененный нашей критикой. Он поразителен по глубине и написан на такой шемящей ноте, что закроешь книгу, а все что-то дрожит в душе. И вот смотрю я фильм. Куда вся глубина делась? Ни разу ничто не взволновало меня. А я сколько раз читаю этот рассказ, столько раз, простите меня, плачу.

А вот «Восхождение» Ларисы Шепитько. С какой силой, с какой страстью, с каким талантом создан фильм! Он не совсем о том, о чем повесть Василия Быкова «Сотников». По правде сказать, мне повесть ближе. Но я не могу не отдать должное этому яркому фильму. Это — интерпретация, и это — свое слово. Я за такое слово в кинематографе.

— Ваше мнение о военной теме в кино и литературе? Как приблизить сегодняшнее поколение к знавшим войны к опыту наших «навеки девятнадцатилетних».

— Никогда не могу согласиться с теми, кто утверждает, что есть некоторый кризис в литературе о минувшей Великой Отечественной войне. Вот три книги, вышедшие в последние годы: «Сашка» Вячеслава Кондратьева, «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина и совсем недавно — «Знак беды» Василия Быкова. Каждая из этих книг — явление. Какой же кризис? В кинематографе — другое дело. Я уже называл Ларису Шепитько. Алексей Герман фильмом «Двадцать дней без войны» сказал свое слово. А вот больше, как мне кажется, вспомнить особенно нечего. Может быть, я что-то пропустил. Наверное, пропустил.